

УДК 316.3

Языковая политика как фактор развития духовного потенциала (региональный аспект)

Березина Л.Г.

Аспирант кафедры французского языка и методики преподавания Казанского (Приволжского) федерального университета, старший преподаватель переводческого факультета Института социальных и гуманитарных знаний

Рассмотрены теоретические аспекты влияния языковой политики как функционального проявления института языка на развитие духовного потенциала полиэтничного общества. На основании анализа и обобщения мнений респондентов дана оценка качества реализуемой в Республике Татарстан, прежде всего, в сфере образования языковой политики с предложением рекомендаций по ее совершенствованию в направлении создания более благоприятных условий для формирования подлинно двуязычного общества как фактора модернизации и раскрытия духовного потенциала разноязычных индивидов, этносов и общества в целом.

Ключевые слова: языковая политика, языковое планирование, социальный институт, институт языка, духовный потенциал.

В условиях модернизации индустриального общества важное значение приобретает поиск факторов и ресурсов, использование которых придаст дополнительный импульс комплексному осовремениванию базисных социальных институтов и переходу общества на более высокий уровень развития. Особое место в системе социальных институтов занимает институт языка, благодаря которому обеспечиваются массовые коммуникации, превращающие общество из аморфного образования в целостный дееспособный социальный организм.

Модернизация языкового института не может быть успешно осуществлена без проведения языковой политики, целенаправленной, систематической, учитывающей как собственную обновленческую практику, так и опыт постмодернистских стран. Этой проблеме посвящено немало трудов современных российских и татарстанских ученых, исследующих язык, взаимосвязи языка и политики, а также языковые отношения, в рамках и с позиций политологической науки [1; 2]. В этих работах заложена основательная база для дальнейших исследований, где языковая политика рассматривается как важный социальный фактор развития общества. Языковая политика, по нашим представлениям, не должна ограничиваться осовремениванием

собственно языка или тем, что чаще всего называют языковым планированием. Хотя приведение в соответствие с модернистскими и постмодернистскими реалиями грамматики, лексики, синтаксиса используемого языка(-ов), несомненно, является важнейшей составной частью и задачей языковой политики.

В этой связи полезно обратиться к осмыслению методами социолингвистики и социологии языка опыта языкового планирования и языковой политики в целом, в условиях позднего индустриализма и раннего постиндустриализма. Уточняя значение используемых терминов, отметим, что под языковым планированием понимают, прежде всего, «деятельность по подготовке нормативной орфографии, грамматики и словаря, которыми будут руководствоваться в своей письменной и устной речи члены неоднородных речевых коллективов» [3, с. 444]. Языковое планирование рассматривается как один из видов социального управления в современном обществе. Такая управленческая деятельность сродни политике. Она может носить как абсолютно неформальный, так и организованный характер. Субъектами языкового планирования и языковой политики в целом выступают как частные лица, так и официальные учреждения.

Нельзя не согласиться с мнением социолингвистов и социологов, что языковая политика не должна ограничиваться одним лишь языковым планированием, а охватывать собой, по возможности, все сколько-нибудь значимые аспекты и стороны языкового поведения людей. В качестве объекта языковой политики языковое поведение представляет собой сложнейший по своей структуре и функциям вид социальной деятельности, осуществляемой в рамках всего комплекса общественных институтов: производственных, политических, образовательных и пр. Используемая в статье дефиниция языкового поведения основывается на принятых в социологии определениях значения, трактовках содержания, структуры и функций данного вида социальной практики [4, с. 29].

Языковая политика и языковое поведение осуществляются в контексте института языка, выступающего по отношению к ним как более емкая социальная система. Под социальным институтом в современной социологии обычно понимают установленный порядок правил (норм) и стандартизированных моделей поведения (ролей), обуславливающих поведение больших масс людей [5, с. 248]. Исходя из такой дефиниции социального института, в число основных структурных компонентов института языка следует включать не только фонетические, грамматические, лексические нормы языка(-ов), но и действующие в этнически однородном или многонациональном обществе правила социальных взаимодействий родственноязычных и разноязычных индивидов. Кроме того, социальный институт языка непременно должен охватывать собой группы людей, оперирующих определенным языком(-ами), а также включать в себя учреждения и организации, осуществляющие контроль над речевой деятельностью и языковым поведением носителей языка(-ов).

Особо следует сказать о функциях института языка(-ов), связанных с удовлетворением личных, групповых и общественных потребностей. Принимая во внимание социологический ракурс рассматриваемой проблемы, нельзя не упомянуть о концепции функций социальных институтов Р. Мертона. Мертоновская концепция базируется на простой и понятной посылке: всякий общественный институт возникает в результате осмысленной, целенаправленной и систематической деятельности людей, которые за счет выработки и введения в практику нормативно-ролевых ограничений надеются оптимизировать процесс удовлетворения тех или иных потребностей. Связав функции социальных институтов с деятельностью людей и обратив внимание на объективный характер этих функций, Мертон разграничил последние на явные и латентные [6, с. 414].

Следуя мертоновской методологии, язык следует определять не только как «знаковую систему», но и как «знаковую практику», в которую вовлечены мас-

сы людей «объективным» по отношению к ним социальным институтом. Обращение к мертоновской методологии позволяет также выйти за рамки сугубо социолингвистических представлений о функциональной стороне языка [7, с. 113-118].

Социологическое истолкование языка как общественного института, а языковой политики как функционального проявления данного института, требует выделения более широкого круга языковых функций, которые касались бы всего спектра взаимодействий языка и общества. В этой связи нельзя не обратить внимания на методологически значимые для данных целей идеи приверженцев структурализма, касающиеся сложного диверсификационного характера взаимоотношений языка и общества. В своей совокупности эти идеи выкристаллизовались в своеобразное кредо структурализма: язык в обществе используется как модель социальных отношений в целом [8, с. 507-508].

Исходя из такого понимания языка, в число его ведущих функций необходимо включить функцию социализации человека. Овладевая языком и совершенствуя речевые навыки, человек получает возможность интериоризировать предлагаемую общественными институтами систему ценностей, норм, моделей поведения и благодаря этому стать полноценным членом социума. Функция социализации может быть рассмотрена как отдельный элемент функционального набора языка и, в то же время – как самостоятельная система социолингвистических и лингвосоциальных взаимодействий, включающая в себя комплекс подфункций: коммуникативную, познавательную и др. [9].

Связывая языковую политику с реализацией функций языка как особого социального института, обратим внимание на работу Р. Белла, в которой рассматриваются возможные сценарии языковой политики в моно-, би- и мультилингвистических обществах. Главным субъектом языковой политики британский социолингвист считает элиту общества, под которой он понимает «группу профессионалов»: крупных бизнесменов, ведущих интеллектуалов, политических лидеров, высших госчиновников, руководителей церкви и прочих представителей «правящих кругов». Разрабатывая и проводя языковую политику, полагает Белл, элита использует язык для поддержания или создания социальной дистанции или кооперирования, а также устанавливает контроль над политической машиной государства или уступает его иной элите [7, с. 217].

Исходя из анализа языковой политики, проводившейся в афро-азиатских странах в постколониальный период развития, британский ученый выделяет три типа такой политики. Первый тип (А) направлен на создание экзоглоссного государства путем принятия в качестве национального официального языка (НОЯ) бывших правителей, когда элита приходит

к выводу, что «великая традиция», понимаемая как набор культурных признаков (права, правительства, религии, истории), отсутствует. Политика А в условиях большого языкового разнообразия и нестандартизованности многих языков представляется Беллу единственно возможным вариантом языковой политики.

Языковая политика В противоположна типу А и избирается в том случае, если элита (а иногда и население в целом) признает существование «великой традиции» наряду с соответствующим языком. Последний и становится национальным официальным языком.

Третий тип языковой политики (С) исходит из признания наличия нескольких соперничающих «великих традиций». Такая этнокультурная и языковая ситуация диктует необходимость предоставления определенной степени автономии региональным, религиозным, этническим или социальным общностям. Вместе с тем делается это не в ущерб национальному единству, поскольку формируется центральное правительство, обладающее действенными средствами национальной коммуникации. Чаще всего этнокультурная и языковая ситуация такого рода разрешается путем сохранения языка бывших правителей в качестве НОЯ наряду с одним или более местными языками [7, с. 227-229].

В контексте проблемы влияния языковой политики на развитие духовного потенциала региона особое значение приобретают суждения Белла о политике в области народного образования в полиэтничных обществах. Прежде всего, британский социолингвист отмечает, что между языковой политикой и политикой в области образования существует тесная взаимосвязь. Основываясь на этом, ученый из Великобритании подчеркивает необходимость обучения детей в школе на родном языке и на РОЯ с тем, чтобы локальные культуры не были утеряны при переходе от статичного сельскохозяйственного общества к динамичному городскому. Вместе с тем, по Беллу, школьники, к каким бы этническим группам они не принадлежали, должны эффективно овладевать и НОЯ. В результате в полиэтничном обществе каждый его член должен хорошо владеть как минимум двумя языками [7, с. 227-231].

Языковая ситуация в современном Татарстане выглядит не столь разнообразной по числу и типу языков, используемых населением. Доминируют в основном русский и татарский языки. При этом современным литературным татарским языком, письменным и разговорным, относительно неплохо владеет только часть татар. Прежде всего, гуманитарная интеллигенция и татары-горожане. Татарское население малых городов и сельской местности использует в основном разговорный татарский язык. Помимо этого, в отличие от афро-азиатских стран, переход от аграрного общества к городскому

в Татарстане завершен. Тем не менее некоторые рекомендации Белла, особенно те, которые касаются особенностей проведения третьего типа языковой политики, а также языковой политики в системе школьного образования, при должной адаптации вполне могут быть использованы в условиях современного Татарстана.

Исходя из поставленной в статье задачи, показать взаимосвязь языковой политики как функционального проявления института языка и эволюции духовного потенциала региона, определим значение и раскроем структуру последнего. Под духовным потенциалом понимается взаимосвязанная совокупность человеческих и социальных возможностей, частично вовлеченных в общественную практику, данных природой и формируемых в процессе социализации и социальной активности людей. Определение «духовный» указывает на то, что становление, изменение и реализация человеческих и социальных потенциалов происходит в сфере духовно-культурной деятельности индивидов, групп и общества в целом.

В структуру духовного потенциала включены как объективные, так и субъективные составляющие. В число первых введены: 1) общекультурная ситуация в регионе, определяемая типом и уровнем развития духовной культуры населения, его основных групп и общностей; 2) внутри- и межгрупповые коммуникации в сфере духовного производства, прежде всего, внутри и между этнокультурными общностями; 3) доминирующие в духовно-культурной среде ценности и нормы; 4) число, тип и степень вовлеченности в производство духовных ценностей учреждений и организаций; 6) объем и качество выполняемых духовно-культурными организациями и учреждениями функций; 7) базовый тип личностных мотиваций и социальных качеств, обуславливающий процесс социализации людей как духовно развитых существ.

Субъективную составляющую духовного потенциала региона образует комплекс личностных субпотенциалов. В их числе: 1) инновационно-предпринимательский, 2) интеллектуально-образовательный, 3) нравственно-этический, 4) художественно-эстетический, 5) психофизический. Каждый из этих субпотенциалов отличает, прежде всего, особый тип личностных мотиваций и качеств, формирующихся, накопленных и реализуемых в той или иной мере в различных областях духовного производства. Сообразно требованиям модернистской парадигмы, эти типы подразделяются на традиционный, модернистский и постмодернистский.

Раскрытие механизма влияния языковой политики на развитие духовного потенциала в аспекте формирования предпосылок для складывания в регионе диглосного и недиглосного билингвизма, как среди татар, так и среди русских, потребовало обращения

к проблематике социальных механизмов, получившей исследование в современной социологии. В этой связи, в первую очередь, упомянем Р. Мертона, который под социальным механизмом понимает сложный комплекс социальных явлений, среди которых выделяет распределение по ролям, обособление институциональных требований, иерархическое расположение ценностей, социальное разделение труда, ритуалы, церемонии и т.д. [6, с. 415].

Исходя из мертоновской концепции, механизм взаимовлияния языковой политики и духовного потенциала должен быть представлен как сложный комплекс взаимосвязанных элементов (звеньев), образующих структуру первого и второго и оказывающих друг на друга воздействие сообразно содержанию (типу, качеству) этих элементов (звеньев) через систему ролей, реализуемых в рамках языковой политики носителями духовного потенциала.

В рамках статьи сконцентрируем внимание на двух аспектах социального механизма взаимодействия языковой политики и духовного потенциала: содержании проводимой элитой РТ языковой политики и влиянии этой политики на институционализацию двуязычия как условия развития духовной культуры полиэтничного общества. Поскольку для социолога, согласно распространенной точке зрения, критерием истины является мнение большинства опрошиваемых, предоставим слово участникам проведенного нами опроса, высказавшим свое отношение к выделенным аспектам проводимой в РТ языковой политики и ее влиянию на развитие духовного потенциала региона. Опрос был произведен в январе-феврале 2010 г. Его основной целью являлся сбор конкретно-социологической информации с последующей диагностикой состояния и перспектив развития духовного потенциала Республики Татарстан в аспекте влияния на данный процесс института языка в целом и его отдельных компонентов. В качестве респондентов выступили 900 человек, представлявших большие, средние, малые города, а также сельские населенные пункты РТ. Выборочная совокупность была сформирована на основе таких критериев, как пол, возраст, национальность и пр. Статистическая ошибка выборки не превысила допустимых норм*.

Известно, что всякая политика в условиях современного демократического правового государства опирается на определенную юридическую базу в виде комплекса нормативно-правовых актов. Не является исключением в этом смысле и языковая политика, проводимая в РТ на протяжении практически всех постперестроечных лет. Закон РТ «О языках народов Республики Татарстан» принят еще в 1992 г. Казалось бы, за почти два десятилетия, прошедших

с момента вступления его в силу, граждане республики могли бы ознакомиться с содержанием хотя бы основных статей этого исключительно важного для полиэтничного региона нормативно-правового документа. Однако, как показывают результаты нашего исследования, только пятая часть респондентов (20,7 %) знакома с положениями Закона «О языках народов РТ». Подавляющему большинству опрошенных (68,1 %) содержание закона неизвестно.

Не станем задаваться риторически звучащим вопросом, можно ли в такой ситуации говорить о высокой правовой культуре граждан РТ в аспекте знания основ языковой политики государства. Отметим только, что правовая культура в современном обществе образует одну из краеугольных основ духовного потенциала граждан, склонных к разрешению социальных конфликтов преимущественно мирным путем в рамках действующих в государстве законов. Следовательно, рассуждая о неиспользованных резервах развития духовного потенциала населения РТ как фактора модернизации индустриального общества, прежде всего, следует указать на низкий уровень знания гражданами формальных основ языковой политики государства как важного элемента гражданской правовой культуры.

Не исключено, что именно этим обстоятельством обусловлены ответы респондентов на вопросы по поводу отдельных аспектов проводимой государством языковой политики, находящиеся в явном противоречии с действующей практикой. Так, например, на вопрос о том, учитывается ли знание татарского языка при формировании контингента руководящих кадров, свыше 43,1 % респондентов выбрали вариант ответа, смысл которого сводился к тому, что языковой фактор при подборе руководящих кадров «не имеет особого значения». Между тем, сторонников противоположной точки зрения оказалось в два раза меньше (21,2 %).

В связи с рассматриваемым аспектом государственной языковой политики выскажем мнение, которое, по всей видимости, не будет воспринято однозначно. Полагаем, что при формальном равноправии русского и татарского языков, норме, безусловно, необходимой для оптимизации межэтнических отношений в полиэтничном регионе, знание татарского языка обязательно должно приниматься в расчет при комплектовании контингента госслужащих, работников государственных и негосударственных предприятий, непосредственно занятых оказанием услуг населению. Подобная мера не является дискриминационной по отношению к лицам, владеющим только одним языком, неважно русским или татарским, и претендующим на занятие должностей, связанных с обслуживанием населения, небольшая часть которого по разным причинам владеет только одним, преимущественно родным языком.

* Исследование проводилось под руководством д.с.н. А.Ф. Валеевой.

Ст. 21 Закона «О языках народов Республики Татарстан», кстати сказать, прямо указывает на то, что отказ от обслуживания граждан под предлогом незнания языка в объемах, необходимых для ведения профессиональной деятельности, недопустим и влечет за собой ответственность согласно законодательству [10].

Здравый смысл подсказывает, что владение как минимум двумя государственными языками РТ должно способствовать росту качества оказываемых услуг и, возвращаясь к тематике настоящей статьи, содействовать становлению не только формального, но и реального двуязычия в регионе. Последнее, в свою очередь, уже само по себе явится фактором, способствующим росту, развитию и раскрытию духовного потенциала населения полиэтничного региона. Мысль эта имплицитно присутствует во Вводной части Закона «О языках народов РТ», выражающей надежду, что развитие языков станет залогом максимального использования творческого потенциала народов РТ [10].

Важность политики, нацеленной на институционализацию в регионе двуязычия, хорошо понимают и наши респонденты, абсолютное большинство (76,1 %) которых высказалось в пользу того, что последовательное проведение такой политики имеет «большое» (39,0 %) и даже «решающее» (37,1 %) значение.

Излишне говорить, что подлинное, а не мнимое или формальное двуязычие возможно только как результат разумной языковой политики, учитывающей этнокультурные, политико-правовые и хозяйственно-бытовые интересы основных этнических общностей полиэтничного региона. Прежде всего, ориентированная на двуязычие языковая политика должна опираться на неоднократно доказанный практикой постулат, что всякая политика вообще есть искусство возможного. Игнорируя требования субъектов языковой политики, невозможно достичь целей, какими бы благородными они не были. Теория, мировая и татарстанская практика показывают, что субъектами языковой политики выступают отнюдь не только элита или государственная бюрократия, определяющие «правила игры», которые далеко не всегда отвечают запросам широких масс населения и потому нередко встречают сопротивление со стороны немалого числа людей.

Поскольку основы мировоззрения, в частности, представления, какой должна быть языковая политика в многонациональном обществе, закладываются в школе, обратимся к языковой политике, реализуемой в сфере образования. При кажущемся локальном характере этой политики, она имеет самое что ни на есть далеко идущие последствия, как для изменения языковой ситуации в регионе, так и для развития духовного потенциала его населения. Языковая политика в сфере образования может при-

вести и отчасти уже привела к переменам в объективной составляющей духовного потенциала. Так, в частности, изменилась общекультурная ситуация в регионе. Возродившийся интерес татар к национальному языку и культуре соседствует с возникшей вследствие чрезмерного рвения чиновников от образования оппозицией в среде русского населения по отношению к изучению в школах всеми учащимися в обязательном порядке татарского языка. Подверглась изменениям программа общего среднего образования, в частности, за счет введения в нее национально-регионального компонента. Это повлекло за собой перемены в такой важной составляющей духовного потенциала личности, как доминирующие мотивации в сторону усиления формальных мотивов изучения татарского языка.

Отражением отмеченных тенденций служат ответы респондентов на вопросы, касающиеся введения в практику школьного образования национально-регионального компонента. Наиболее многочисленная группа опрошенных (17,4 %) связывает введение национально-регионального компонента в систему школьного образования с осуществлением государственной политики, направленной на становление двуязычия, полагая, что реализация данной меры приведет к достижению поставленной цели. Вторая по численности группа респондентов (14,2 %) считает, что национально-региональный компонент отстаивает принцип защиты преимущественно национальной культуры и традиций татарского народа. Почти каждый десятый (9,3 %) респондент придерживается мнения, что «реализация национально-регионального компонента приводит к неравенству в преподавании и асимметрии в пользу татарского языка».

Согласно данным проведенного опроса, только 13,9 % респондентов согласились с тем, что введение национально-регионального компонента создает предпосылки для реализации духовного потенциала многонационального населения РТ. Такая позиция выглядит, если не как приговор, то, по меньшей мере, как нелицеприятная оценка языковой политики, реализуемой государством в сфере образования.

Вместе с тем такую позицию следует рассматривать и как призыв к поиску новых форм приобщения русского и других народов РТ к изучению татарского языка и культуры в целом, за которыми действительно стоит «великая традиция». Новые формы должны опираться на принцип добровольности и исключать элемент принуждения к изучению неродного языка. Только отказ от принудительной практики в сочетании с наличием практической потребности могут подвигнуть человека к обогащению своего духовного потенциала за счет овладения неродным языком, что, в конечном итоге, может привести к институционализации в полиэтничном регионе подлинно двуязычного общества, модернизации и раскрытию духовного потенциала всех его членов.

Литература:

1. Мухарямова Л. М. Взаимодействие языка и политики в символических измерениях // Вестник Московского университета. Социология и политология. – 2002. – № 2. – С. 28-47.
2. Мухарямова Л.М. Языковые отношения: политологический анализ. – Казань: Изд-во КГУ, 2003. – 276 с.
3. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование / Новое в лингвистике. Вып. VII. Социоллингвистика. – М.: Издательство «Прогресс», 1975. – С. 441-472.
4. Валеева А.Ф. Языковое поведение в полиэтничном обществе (социологическая диверсификативность) / Под ред. проф. Г.В. Дыльнова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 312 с.
5. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 1(А-О): пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – 554 с.
6. Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: тексты / Под ред. В.И. Добренкова. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – С. 379-448.
7. Белл Роджер Т. Социоллингвистика: пер. с англ. / Под ред. доктора филологических наук проф. А.Д. Швейцера. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 320 с.
8. Большой толковый социологический словарь (Collins). Том 2 (П-Я): пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 1999. – 528 с.
9. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание. – URL: <http://homepages.tversu.ru>.
10. Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» № 1560-Х11 от 8 июля 1992 г. – URL: <http://shemordan-sch.ucoz.ru>.

Language Policy as a Factor of Spiritual Potential Development (Regional Aspect)*L. Berezina**The Kazan (Volga Region) Federal University*

The author analyzes theoretical aspects of impact of language policy as functional manifestation of language institute on the development of spiritual potential of multi-ethnic society. On the basis of analysis and generalization of the respondents' opinions the author estimates the quality of language policy in the Republic of Tatarstan (particularly in the sphere of education), and gives recommendations for creating more favourable conditions of developing genuinely bilingual society as a factor of modernization and revealing of spiritual potential of multilingual individuals, ethnic communities and society in general.

Key words: language policy, language planning, social institute, language institute, spiritual potential.

